

УДК 821.161.1-31(479.25)
ББК 84(5Арм)-44
А35

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Азнаурян, Ованес.
А35 Три церкви : роман / Ованес Азнаурян. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.
ISBN 978-5-04-102695-0

Миры периодически рушатся... Будь они внешние или внутренние, но всему в какой-то момент наступает конец. Это история обширного армянского рода, ведущего начало от арцвабердского крестьянина Унана. Наблюдая за ним и его потомками, мы видим, как меняются жизнь, время, устои. Как один устоявшийся мир исчезает и на его обломках возникает другой. Всё меняется, но люди и память о них – остаются.

УДК 821.161.1-31(479.25)
ББК 84(5Арм)-44

ISBN 978-5-04-102695-0

© Азнаурян О., текст, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Как потускло золото, изменилось золото наилучшее! Камни святилища раскиданы по всем перекресткам (4:1).

Отцы наши грешили: их уже нет, а мы несем наказание за беззаконие их (5:7).

Пророк Иеремия

Армения — потусторонняя страна.

Алиса Ганиева

Пролог

На обочине дороги, горной, извилистой, беспокойной, превращающейся порой в тропинку, а то и вовсе исчезающей — так что машина вынуждена была ехать наугад, вернее, «на ошупь», — был родник в скале, и они остановились, чтобы запастись водой.

Воздух был чистым и с утра свежим. Дул легкий ветерок. Выйдя из машины, Нонна сказала, что все-таки удивительно, какой здесь чистый воздух, не то что в городе, где нечем дышать. Она это говорила каждый раз, когда они ехали в Берджи, то есть почти каждое воскресенье, и ему, Гарику то есть, это уже надоело и стоило невероятных усилий, чтобы сдержаться и не взорваться, а только вздохнуть: «О, господи!» — на что Нонна не обратила никакого внимания.

Наполнив канистры, они вернулись в машину; Гарик завел мотор, и они поехали дальше. Дорога все время уходила вверх.

Они были муж и жена и ехали в горное село Берджи, которое находилось в пятидесяти километрах от города Еревана, где они жили. В столице они оба и работали врачами.

Несмотря на относительную близость, до Берджи можно было добраться лишь за час, а то и больше. До-

рога была опасной и настолько узкой, что на ней две машины вряд ли могли поместиться рядом, а бесчисленные повороты просто изводили водителей. Справа были скалы, грозно свешивающиеся над дорогой и пугающие водителей частыми камнепадами; слева же на протяжении всего пути была пропасть. А далеко внизу была долина, выжженная солнцем. Сверху, с дороги, были видны три села, находящиеся друг от друга на небольшом расстоянии (во всяком случае, так казалось сверху), кажущиеся тремя зелеными островками среди этого безжизненного океана. Дальше поднимались цепи высоких синих гор, которые были видны из-за не сгустившейся пока еще дымки. За горами была уже другая страна.

— А интересно, как там, за горами? — спросила Нонна, открывая одну из маленьких канистр, чтоб выпить воды, и выливая воду себе на юбку в цветочках. У нее были красивые волосы, красивые ноги и красивые очки.

— Не знаю, — ответил муж. — Не все ли тебе равно? — Гарик переключил скорость и, секунду посмотрев на горы, снова сосредоточился на дороге.

На этой дороге часто случались аварии. Недавно, например, в пропасть из-за тумана свалился рейсовый автобус, возивший отдыхающих из пансионата в город. Пансионат этот был в поселке Кармрашен, и пассажиры автобуса все ехали в Ереван. В Ереване они должны были сесть в самолет и лететь по домам, но все они, в том числе и шофер автобуса, погибли. Автобус с трудом вытащили из пропасти с помощью огромного крана.

Гарик почему-то вспомнил об этой аварии. Это было как раз на этом участке пути, и, несмотря на то что он

ТРИ ЦЕРКВИ

знал все повороты и вообще всю дорогу наизусть, решил быть внимательным и не рисковать.

Было лето, и было утро, и было прохладно, и дымка еще не сгустилась над долиной и не скрыла синие горы, за которыми была другая, бог весть какая страна, но уже через час-полтора все изменится. Станет невыносимо жарко, асфальт закипит, и от этого станет еще жарче; синие горы исчезнут, исчезнет и долина внизу, и три села уже не будут видны; все изменится, как будто и не было ничего...

Впереди был последний поворот, который Гарик отлично взял. Подъем кончился и пропасть слева тоже, и уже пошли поля. Справа тоже было поле, у края которого начинались дома, поднимаясь по склону невысокого холма. Дом друга Гарика и Нонны, к кому они приезжали в гости почти каждое воскресенье, был одной из нижних в этой лестнице из домов, и из окон открывался прекрасный вид на поля и долину внизу.

Машина остановилась у зеленых ворот. Нонна вышла и, потянувшись, сказала, что удивительно, какой здесь великолепный воздух, не то что в городе...

«Ну и черт с тобой!» — подумал Гарик и пошел открывать ворота.

Догадывалась Нонна уже давно, но неделю назад убедилась в том, что Гарик завел себе любовницу. «Поживем еще немного так», — думала Нонна, у которой были красивые волосы, красивые ноги, красивые очки и юбка в цветочек. Но она не знала, что очень скоро Гарик бросит все, бросит Ереван и поселится в этом самом поселке Берджи. Он будет звать с собой и ее, но она не согласится...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Унан был коренным арцвабердским крестьянином. Занимался земледелием и садоводством. Был знаменитым в округе кузнецом и родил троих сыновей: Григора, Ахагюла и Месропа. Первую мельницу в Арцваберде, которая действовала многие годы, построил именно он. Прибыль же с нее распределялась поровну между семьями сыновей, которые разделились, построив собственные дома, но все равно продолжали жить одной большой и шумной семьей.

Григор долгие годы был кехвой¹. Ахагюл же, известный своей начитанностью, мудростью и стремлением к самообразованию, стал земледельцем, посадил большой фруктовый сад. Ну а Месроп в совершенстве владел ремеслами каменотеса, укладчика стен и кузнеца. Он также занимался садоводством. Говорят, стены медеплавильни, основанной в Дзорке предпринимателем из Шуши Мелик-Азаряном, воздвигал именно варпет² Месроп Унанян. Он же выстелил ложе первого в Дзорке оросительного канала, когда Дзорк только-только готовился стать городом.

¹ Сельский староста (*арм.*).

² Мастер (*арм.*).

ТРИ ЦЕРКВИ

У Месропа Унаняна было два сына — Ашот и Арам. Оба окончили местную двухлетку, а став постарше, уехали на заработки в промышленный город Баку. Арам стал работать на заводе, окончательно обосновался тут, обзавелся семьей. Погиб в результате производственной аварии в 1924 году, в возрасте сорока одного года. У него был сын, Грачик, который не вернулся с фронта Великой Отечественной войны.

Ашот в Баку надолго не задержался, уехал в Пятигорск, а потом, узнав о смерти отца, вернулся в родное село, чтобы стать во главе отчего дома. Женился Ашот в 1904 году на дочке почтенного Тер-Аветиса прекрасной Ашхен, которая родила ему четверых детей. Самым младшим из них был Аршак. Но 4 ноября 1914 года в возрасте двадцати восьми лет прекрасная Ашхен умерла, и дом Ашота осиротел. Ашоту с малолетними детьми — особенно с двухлетним Аршаком — помогали теща Ехсапет и свояченица Астхик. Как *первую* маму Аршак запомнил именно тетю Астхик. Ашот женился через три года во второй раз на вдове из села Мегануш, дочери Ависа, пользовавшегося большим общественным авторитетом как сельский глава. Ее звали Парандзем. Выбрал Ашот Парандзем еще и потому, что та была бесплодна, как ему сказали. Но это оказалось не так. Парандзем подняла пришедшее в упадок хозяйство и родила мужу восьмерых детей. Самого младшего, 1936 года рождения, Парандзем назвала Мамиконом в честь утонувшего в реке брата.

Период благосостояния длился недолго, и колесо истории Ашотова дома вновь завертелось вспять. В 1930 году колхозными стали коровы, овцы, свиньи, пчелы и даже двухколесная арба. Старшие дети, включая Арша-

ка, покинули Арцваберд и обосновались в Дзорке, начав работать на медных рудниках. Ашот погиб в 1938-м: упал с дерева, собирая для колхоза орехи. Парандзем умерла в 1939-м, в возрасте сорока трех лет. В том же году обобществили большой фруктовый сад, посаженный некогда Ашотом. Двенадцать детей были вынуждены либо сами зарабатывать на пропитание, либо жить на иждивении родственников, старших братьев и сестер.

Аршак все детство провел в Арцваберде, а юность — в Дзорке. С малолетства помогал отцу Ашоту пасти скотину, ухаживать за садом. Перебравшись вслед за старшими братьями в город, Аршак получил образование в техникуме при медноперерабатывающем заводе и в дальнейшем уже никогда не покидал Дзорка, если не считать годы Отечественной войны. Женился Аршак на Соне из семьи бывшего священника села Арачадзор, дочери Шмавона, погибшего из-за схода лавины, когда он вез через перевал оружие для фидаинов¹. У Аршака и Соны было три дочери — Норетта, Клара и Ашхен, названная в честь матери Аршака, которой он никогда не видел.

Аршак всю жизнь занимал высокие должности, с тридцатых годов работал в райкоме партии, а после войны был даже первым секретарем горкома, то есть мэром; тогда-то Дзорк стал действительно городом и на-

¹ Армянские ф и д а и (*западноарм.* Ֆիճաի (*«федаи»*), *восточноарм.* Ֆիճաի (*«фидаи»*), также армянские нерегулярные части, армянская милиция — гражданское население Армении, добровольно оставившее свои семьи с целью принятия участия в формировании подразделений самообороны и вооруженных отрядов в ответ на массовые убийства армян (*Википедия*).

ТРИ ЦЕРКВИ

чал процветать. Если поехать в Дзорг, то можно будет и в наши дни увидеть посаженные Аршаком платаны вдоль рек Ган и Чаги и пройтись по улицам, им же проложенным. Именно Аршак всю жизнь помогал самому младшему сыну отца от второго брака Мамикону, единокровному брату, взяв его жить в дом. Из дома Аршака и Соны Мамикон Ашотович ходил в школу, из их дома уехал учиться в Ереванский политехнический институт. Но Мамикона убили в шестидесятом году. Несмотря на высшее образование, полученное в Ереване, Мамикон Унанян вернулся и, обосновавшись в родном селе Арцваберд, стал простым механизатором. У него был отличный голос, он прекрасно пел. И вот однажды на своем комбайне, единственном, кстати, в колхозе, он собрал хлеб с полей, что простирались за селом Арцваберд, лег отдохнуть немного под деревом, за маленьким оврагом, и, по обыкновению, запел. Громко, звучно, прекрасно! В тот день он пел фидаинские песни, восхваляющие зоравара Андраника¹ и национальную борьбу. А потом заснул там же, в тени деревца, рядом со своим комбайном. Тогда и зарезал Мамикона азербайджанский пастух из соседней деревни Парахли, что пас своих овец на лугах неподалеку. Зарезал из-за песен...

В доме Аршака и Соны проживал также и сын фронтowego друга Аршака — Сурена родом из села Багаберд. Когда Сурен умер, Аршак и Сона взяли к себе в дом его единственного сына, маленького Рафика, оставшегося

¹ Андранік Торóсович Озаня́н — один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX века, национальный герой армянского народа. Также известен как *Полководец Андраник*, *Генерал Андраник* (в Российской империи).

сиротой. Он тоже из дома Аршака и Соны ходил в школу, из их дома уехал учиться в Ереванский политехнический институт, именно у них дома жил первое время, когда женился на Норетте, старшей дочери Аршака и Соны, пока не обзавелся собственной квартирой. Не без помощи тестя стал Рафик впоследствии директором дома отдыха в Кармрашене, потом занимал всякие чиновничьи должности, а потом неожиданно для всех разбогател. Аршаку Унаняну это не нравилось. Ему не нравились богатство и пронырливость зятя.

Аршак Ашотович, почетный гражданин города Дзорк, бывший первый секретарь горкома партии, бывший директор птицефабрики «Дзорк», бывший председатель Совета ветеранов войны и труда, к концу жизни писал автобиографию, историю своего рода и родного города. Ему многое не нравилось в новой жизни, и он лишь время от времени, вздыхая, говорил жене Соне:

— Больше всего жалею Мамикона. Он все пьет и пьет.

— Во всем виноват твой зять! Он тоже пьет! Поэтому и внук у тебя алкоголик. Виноваты Рафик и еще мир, который сошел с ума! — констатировала бабушка Сона. Бабушка Сона всегда считала неправильным, что Норетта, старшая дочь, назвала своего единственного сына в честь дяди, зарезанного азербайджанцем из села Парахли, то есть Мамиконом. Ведь и тот был назван в честь брата Парандзем, мачехи Аршака, утонувшего в реке Воротан.

— Да... — вздыхал обычно дедушка Аршак, соглашаясь с женой. — Мир сошел с ума. — И думал: «Миры периодически рушатся. Рождаются и исчезают звезды, галактики. Рушится жизнь. И вот мир в очередной

ТРИ ЦЕРКВИ

раз пошел к чертям». Но это уже было в девяностые, в эпоху страшных зим.

А пока...

А пока в очередной раз мир рухнул. Через семь лет после того, как погиб отец Аршака — Ашот, и через два года после того, как умерла Парандзем-мама́. В июне 1941 года, когда Аршаку Ашотовичу было всего двадцать восемь лет, в райкоме партии Дзорка состоялся пленум. На пленуме, как всегда, присутствовал сотрудник районного НКВД — Баграт Шаваршович Киракосян, комиссар НКВД («полковник Баграт», как он любил представляться. Комично это звучало, по правде говоря. Высокий, красивый, усатый, сероглазый «полковник Баграт».) Он-то и выступил в конце заседания с речью, в которой, коснувшись международного положения и приведя цитаты из речей великого вождя всех времен и народов Сталина, указал на то, что в Дзорке все еще проживают недобитые интеллигентские личности старой формации, которые могут быть опасны именно в силу своего гнилого происхождения — таких людей надо арестовывать, и если не расстреливать сразу, то хотя бы отправлять в ссылку. Тогда это называлось «чистками».

— Например, — сказал Баграт Шаваршович, — безызвестный в Дзорке школьный учитель Айк Ависыч! Да, именно Айк Ависыч. Неизвестно, как он учит наших детей и насколько вредно его «воспитание» в целом. Арестовать! Причем надо добиться того, чтобы в этом деле — в деле очистки нашего города от недобитых интеллигентов — работники райкома принимали самое действенное участие. Поручим подобные дела нашим младшим товарищам. Мы предлагаем разоблачение